

СЕРГЕЙ ПЕТУНИН

ИСКУССТВО ЛЁГКИХ ДЕНЕГ: НОВЫЙ РОМАН ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Не кажется ли вам, что с новой книгой Виктора Пелевина что-то не так? Среди четырёхсот страниц нового сборника «Искусство лёгких касаний» (2019) не затесалось ни одной новой идеи, зато активно используются прежние приёмы и образы. В очередной раз писатель посочувствует нелёгкой доле российских олигархов и, изрекая своё стандартное *memento mori*, принесёт традиционную жертву очередному божеству. А скрепляет это всё, как обычно, щедрый и в общем-то ненужный экскурс в историю культов.

Складывается впечатление, что книгу писал малофункциональный бот, на троечку обученный приёмам Виктора Пелевина и потому способный лишь расфасовывать прежние образы по новым обложкам.

Когда в 1999 году Виктор Олегович покинул «Вагриус», давший приют его первым произведениям, и переметнулся на пастбища «Эксмо», писателя словно подменили. Вот как пишет об этой странной перемене критик Роман Арбитман: *«<Пелевин – П. С.> отключил щедрый фонтан и перевёл свою креативность в режим жёсткой экономии: выдавал по плошке в год, по чайной ложке, по капле. Но всё же это были его ложки и его капли. И даже когда бредовость пелевинских текстов слегка зашкаливала, а из дырки в черепе (место несостоявшегося третьего глаза) деловито выползали чёрные тараканы подсознания, это были его, пелевинские эксклюзивные тараканы, какие могли завестись только в такой штучной голове, как у Виктора Олеговича. И вот всё закончилось. Теперь его тараканы – самые обычные. Без сюрпризов»¹.*

Кажется, что, спасаясь от условий нового контракта, обрекающего писателя ежегодно выдавать по роману, Виктор Пелевин обратился за помощью к российским программистам и оформил подписку на алгоритм, фабрикующий новые тексты на базе фраз из социальных сетей и прежних книг Пелевина.

Не верите? Для скептиков напомним, что ещё в 2007 году российские программисты изобрели искусственный интеллект, который, «вдохновляясь» творчеством Харуки Мураками и Льва Толстого, написал первый в мире электронный роман «Настоящая любовь. wrt» (True Love. wrt). Книга вышла приличным тиражом в 10000 экз.².

Детали подписки Виктора Пелевина неизвестны, но, судя по дальнейшему творчеству писателя, сделка с российскими программистами всё-таки состоялась.

Если бы не случайный баг системы “iPhuck 10” (2018), засветивший литературно-полицейского робота “Порфирия Петровича”, творческий союз писателя и программы так и оставался бы в тайне.

Впрочем, первые “баги” в творчестве Виктора Пелевина появились задолго до “Искусства лёгких касаний” (2019). Писатель Андрей Аставацуров комментирует: “У Пелевина нет героев. Имена назовёте? Чапаев, ага. Весь этот роман (“Чапаев и пустота”, РИА “Воронеж”) состоит из цитат, там филологу делать нечего. Пелевин имитирует какую-то литературу, в “Чапаеве” он пересказывает Брюсова, современную рекламу, фильмы. Роман построен на интертексте. Пелевин не придумал ничего сам. Он работает с чужим готовым словом. Только любой писатель это скрывает, а тот, наоборот, открывает”³.

Масштабы “цитирования” красноречиво продемонстрировал малоизвестный блогер под ником “Пишет не_skazu”, отыскав в одном из отрывков “Чапаева и пустоты” почти дословный пересказ бунинских писем: “Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в **гнуснейшем кабаке** какая-то **“Музыкальная табакерка”** – сидят **спекулянты**, шулера, **публичные девки** и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алёшка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные”, – писал Иван Бунин в 1918 году, спустя месяц после выхода поэмы А. Блока “Двенадцать”⁴.

А вот как описывается обстановка в “Музыкальной табакерке” у Пелевина: “...Я тем временем оглядывал зал. За круглыми столиками сидело по трое-четверо человек; публика была самая разношёрстная, но больше всего было, как это всегда случается в истории человечества, свинорылых **спекулянтов** и дорого одетых б***** [выделено мной. – П. С.]”⁵.

Там же можно встретить цитаты из стихотворений Александра Блока, Сергея Есенина, Владимира Соловьёва. Подозреваю, этим заимствования в “Чапаеве” не исчерпываются...

Не удивительно, что вскоре после выхода “Чапаева и пустоты” Павел Басинский осерчал на Виктора Пелевина, обозвав представленные в романе картины Серебряного века “гадостью” и “культурным шkodничеством”⁶.

Напомним, что роман “Смотритель” (2014) также вырос из чужого материала, а именно – из рассказа Юрия Тынянова “Поручик Кижэ”, повествующего об одной существующей лишь на бумаге личности, ожившей благодаря бюрократической ошибке. Говорить о первоисточниках творчества Виктора Пелевина можно ещё долго.

Но отечественная литература и классика – это не единственное поле, на котором вырастает творчество постмодерниста Виктора Пелевина. Не менее охотно писатель из Чертаново заимствует из зарубежных источников, иной раз самых неожиданных. Например, читая “Жизнь насекомых” (1994), можно встретить пересказ отдельных фрагментов из саги Дж. Р. Р. Толкиена “Властелин колец”: “Он [Митя. – П. С.] шёл и думал, что ещё несколько дней такой погоды – и небо опустится настолько, что будет, как грузовик с пьяным шофёром, давить прохожих, а потом поднял глаза и увидел в облаках просвет, в котором мелькнули другие облака, высокие и белые, а ещё выше – небо, такое же, как летом, до того синее и чистое, что сразу стало ясно – с ним, с небом, никогда никаких превращений не происходит, и какие бы отвратительные тучи ни слетались на праздники в Москву, высоко над ними всегда сияет эта чистая неизменная синева”⁷.

Сравним с оригиналом (пер. Н. Григорьевой и В. Грушецкого.): “Далеко на западе над Хмурыми горами ночное небо казалось тусклым и бледным. Потом в разрыве туч над тёмной горной цепью Сэм увидел мерцающую белую звезду. Её красота пронзила его, и в этой проклятой стране он почувствовал крепнущую в сердце надежду. Ибо подобно молнии сверкнула в нём мысль о том, что Мрак, в конце концов, не вечен и что есть в мире свет и красота, до которых никакому Мраку не добраться”⁸.

Как видим, заимствует Виктор Пелевин охотно и с размахом. Воспроизведение целых кусков из чужих текстов никак нельзя назвать творчеством... Но следует признать, что цитирование – намеренное или нет – неотъемлемая часть любого письма, и не только постмодернистского. Однако раскрывая книгу, мы хотим, прежде всего, получить высокохудожественную историю, а не набор цитат.

Как известно, задача хорошего публициста – это сделать современность понятной для читателя. Виктор Пелевин делает ровно то же, но использует при этом чужое литературное наследие, выбирая из него то, что может отозваться в читателе здесь и сейчас.

В связи с этим считаю, что Виктор Олегович – это природный публицист, который выбрал профессию писателя из-за финансовой выгоды: в наше время досуние писатели зарабатывают больше, чем поэты, критики и публицисты. Все рассказы, повести, даже романы Виктора Пелевина практически не отличаются от статей – это хорошо заметно на примере сборника “Relics: ранее и неизданное” (2005). Эту особенность подметил Дмитрий Быков, назвав ослабленное рассудительное начало главным отличием романа “Чапаев и пустота” от предшествующего творчества. “Новый роман Пелевина куда менее схематичен и рассудочен, чем его прежние сочинения, и в нём куда больше той невыносимой грусти, которая бывает только в больнице или казарме в ужасный синий час между днём и вечером”⁹.

Комментируя это качество, заклятый друг Пелевина Павел Басинский отмечал, что сюжет в пелевинских книгах практически отсутствует, представляя собой едва намеченный переход от одной лекции к другой, от статьи к статье¹⁰.

В чем проявляется эта особенность? Разберем на примере повести “Freedom Liberty” из сборника “Ананасная вода для прекрасной дамы” (2011).

“Коротко, насколько позволяют рамки нашего очерка”¹¹, автор начинает свой неотягощённый сюжетом рассказ о гражданской жизни главного героя повести Савелия Скотенкова, напоминая статью в энциклопедии. Затем с типичным для публициста переходом (“Теперь мы должны сделать экскурс в совершенно другую область – историю развития боевой авиации. Попросим читателя набраться терпения. . .”) в текст вводится лекция об истории развития американских беспилотников, где автор бесхитростно излагает принцип их работы. Легко посчитать это отступление излишним, но именно в этой вставке ключ к пониманию метафоры сборника. Посвятив читателя в технические подробности, писатель снова возвращается к своему герою: “Так обстояли дела в Афганистане, когда Савелий Скотенков появился там с красной от хны бородой”¹².

Нерефлексирующий писатель (Бен Элтон или Владимир Сорокин, Алексей Слаповский) постарался бы свести к минимуму всю лекционную часть. Важные для контекста повести сведения такой писатель может представить в форме рассказа лётчика, внутри боевой инструкции или, на худой конец, передать в “статье”. Иными словами, литератор с ярко выраженным художественным мышлением постарался бы не выходить за рамки образного строя текста.

Талант Пелевина лучше проявляет себя в области языковой игры и политической рефлексии, поэтому писатель бесхитростно вставляет в текст страницы “нехудожественного” материала. . . И, что самое интересное, это сходит ему с рук.

Видимо, пытаясь в новом сборнике художественно обосновать своё увлечение публицистикой, писатель замаскировал “Искусство лёгких касаний” под “дайджест”, то есть комментированный пересказ романа. Мне могут возразить, что это сознательный приём, который обостряет полемическую остроту. Но подумайтесь: зачем нужны эти ухищрения с “дайджестом”, если автор в состоянии написать полноценный роман?

Виктор Пелевин всегда заимствовал много и без всякого стеснения. Но если раньше он использовал чужое наследие, то в “Искусстве лёгких касаний” он цитирует собственные тексты. Повторно перерабатывается и вся система цитат, превращая в банальность былые остроты.

Например, пассаж о бюрократии, излучающей дух протеста яростнее простых людей, неоднократно повторяется в произведениях Виктора Пелевина: из повести “Зенитные кодексы Аль-Эфесби” (“Ананасная вода для прекрасной дамы”, 2011) эта мысль явно перетекла в “iPhuck 10” (2018) под видом размышления о “революции, которая есть совместный проект Лубянки и Кремля”¹³. Иными словами, в новом сборнике повторяются не только прежние элементы, но и вся система взаимоотношений, выстроенная в прошлых работах.

В сочетании публицистического подхода и ранних творческих приёмов родилось “Искусство лёгких касаний” (2019), состоящее из трёх произведений. Растянутый в повесть рассказ “Иакинф”, политическая колонка “Искусство лёгких касаний”, образующая с первой “повестью” смысловое целое “Сатурн почти не виден”, и составленный в прежних пелевинских традициях рассказ “Столыпин” – продолжение истории героев “Тайных видов на гору Фудзи” (2018).

При этом “Искусство лёгких касаний” – это не просто повторение прежних идей... Это повторение конкретного сборника. Все повести новой книги скроены по лекалам “Ананасной воды для прекрасной дамы” (2011).

Судите сами: в центре повести “Иакинф” – четыре героя нашего времени: социолог-евромарксист Валентин, банковский брокер Андрон, установщик балконов Иван и телеведущий Тимофей – отправляются со странным проводником в горный маршрут. Как и в повести “Тхаги” (“Ананасная вода для прекрасной дамы”, 2011), где молодой фанатик погибает во имя индийской Кали, проводник Иакинф, конечно же, заманивает молодых туристов в горное капище и приносит в жертву Кроносу.

Амон Ра, Иштар, Кали, Будда, теперь вот Кронос и Баал... Израсходовав мифологический запас раннего Пелевина, подменивший писателя алгоритм принялся механически перебирать оставшиеся божества. Видимо, когда-нибудь в топку будет брошен и финский Йоулупукки.

– *Мы вчетвером – модель России. Новой России*”, – замечает один из четверки, социолог Валентин, перед тем как стать ягнёнком в импровизированном капище Кроноса.

Подобно персонажам повестей “Зал поющих кариатид”, “Тхаги” (и множеству других), жрец Иакинф освобождает четырёх юношей, ищущих в горах Кавказа убежище от пошлой московской жизни. В этом смысле рассказ “Акинфий” повторяет прошлые тексты Пелевина сразу в двух плоскостях – это ода очередному божеству и стандартная пелевинская повесть про освобождение героев из хватки бытия. “Принц Госплана” (1991), “День бульдозериста” (1991), “Жёлтая стрела” (1993), “Затворник и Шестипалый” (1990), “СССР Тайшоу Чжуань” (1991) – мотив невозможности духовного освобождения из душной комнаты бытия писатель муссирует уже не в первый раз, иллюстрируя его всё новыми, но похожими друг на друга образами.

Что неприятно поражает конкретно в повести “Иакинф”, так это затянута, которая возникает из-за пустопорожних описаний и ни на что не влияющих диалогов. Словно кто-то бесталанный и чужой пытается копировать былой образ писателя, но не выдерживает и срывается в пропасть.

Как, например, в этом диалоге, который решает узко-прикладную задачу – воспроизвести атмосферу раннего Пелевина. Но делает это столь неинформативно и односложно, что хочется скорей перелистнуть страницу:

– *Когда я гляжу на горы, – сказал он [Иван. – П. С.], – у меня часто такое чувство, что это... Чьи-то постройки.*

– *Да, – кивнул Валентин. – Понимаю. Я тоже вчера древнюю стену видел. В смысле, не настоящую, конечно. Скалы. Просто похоже на развалины.*

– *Какие-то допотопные пирамиды, – продолжал Иван. – Немыслимо старые гробницы. Построенные кем-то великим*¹⁴.

Длиннот и повторов не избежало и второе произведение сборника – “Искусство лёгких касаний”. Как уже было сказано выше, это пародийный дайджест либерального редактора, составленный из произведений “ватного” историка, специалиста по масонам К. П. Голгофского, – жирный намёк на российского писателя и философа Дмитрия Галковского. А форма дайджеста лишней раз подчёркивает, что, по Пелевину, графоманские творения вышеуказанного автора возможно читать лишь в пересказе. При этом Константин Параклетович Голгофский – сквозной персонаж пелевинского мира, дебют которого состоялся ещё в повести “Некромент” (“Пэ в пятой”, 2008), где он помогал следствию обнаружить пропавшие следы ста восьмидесяти молодых полицейских, сгинувших в крематории полоумного генерала Крушина. Изобилующий “искромётными” ремарками дайджест рассказывает нам о новых приключениях историка с графоманскими наклонностями, которому предстоит раскрыть тайну одной смерти и каменных горгулий, застывших на крыше Собора Богоматери.

Став свидетелем убийства генерала ГРУ Изюмина, эксцентричный философ Голгофский пускается по следу. Дальнейшее повествование, по заверениям писателя, интересно не в свете “приключений фальшивого героя в криво намалёванном мире”, но как “кульбиты пытливого ума”. Начавшись как пародия на книги Дмитрия Галковского, дайджест постепенно превращается в пародию пародий романов Дэна Брауна, оттенённую просвещённым взглядом редактора из какой-нибудь “Медузы”.

Эти “кульбиты”, а также дедуктивные цепочки, пародирующие произведения Дэна Брауна, постепенно приводят героя к выводу “ослепительной ясности”: вся западная толерантность в современном виде — это дело рук советского ГРУ, который всё это время под видом гендерных свобод усиленно внедрял в европейские умы зловредные вирусы — “химеры”. Генерал Изюмин как раз возглавлял проект по разработке “Царь-химеры”, главная задача которой — создать в Америке “омерзительную и душную атмосферу лицемерия, страха и лжи”¹⁵ Советского Союза семидесятых. Вот только на Западе давно прознали про внешнеполитические козни советского ГРУ и приготовили в ответ антироссийскую химеру, посыл которой известен каждому россиянину, — “какое кругом говно”. Современная Европа так страстно разлагает себя изнутри, что Виктору Пелевину остаётся только заподозрить в этом деятельность российских спецслужб.

Впрочем, в повести “Burning Bush” из “Ананасной воды...” копирующий Пелевина клон уже пытался схожим образом объяснить внешнеполитические несуразности России и Америки.

Афганистан, Ирак, “план Даллеса”, Карибский кризис, Чехословакия — в созданном писателем мире это своеобразный обмен любезностями между ГРУ и ЦРУ, ведущими подрывную деятельность не только во вражеских странах, но в умах их правителей.

Несмотря на очевидное родство “Burning Bush” и “Искусства лёгких касаний”, самоуверенный Виктор Олегович не прячет, а обнажает их преемственность: одурманивать мир в обеих повестях поручено генералу ФСБ Шмыге — другому сквозному персонажу книг Пелевина.

“В двадцать первом веке нет никакой разницы между культурными процессами и военными действиями”¹⁶ — корни этой любопытной мысли из “Лёгких касаний...” при желании можно найти и раньше “Ананасной воды...”: “Помните главное: в эпоху политических технологий наши самые естественные и спонтанные чувства рано или поздно оказываются мобилизованными в чужих корыстных целях — на это работают целые штабы профессиональных негодяев. Идёт необъявленная война, и каждый раз, когда в вашей груди зарождается такое вроде бы праведное возмущение эксцессами наших митрофанушек, лондонские олигархи с хохотом потирают свои потные руки...”¹⁷

Генеалогию этой темы можно довести до “Оружия возмездия” (1990) и раньше, но это уже тема другого обзора.

Химера, как уточняет на страницах дайджеста Пелевин, — это не канал связи между небом и землёй, а его имитация, мгновенный просвет в тёмной комнате, который увлекает человека за собой. Так обманутый мотылёк движется на свет, не подозревая, что он исходит от губительного костра. Ослеплённый химерой уже не может видеть мир вокруг — он мчится навстречу тёмному пятну, оставшемуся на сетчатке.

Если провести минут пятнадцать в социальной сети, можно обнаружить множество таких химер. “Границы — лишь в твоей голове”, — пафосно вещает фитнес-тренер, обнажая перед камерой рифлёную мышцу живота. “Цель — сесть за месяц на шпагат”, — делится в “новостях” жизнерадостная девица. Всё это однажды ослепившие разум химеры — иллюзия движения, топтание на беговой дорожке, когда несёшься со всех ног, но остаёшься на месте.

Пугает то, что в современном мире уже не отделить настоящие желания от тех, что стали результатом кем-то заказанных рекламных акций: *“В самом деле, чем заняты современные СМИ? Они или промывают нам мозги по политическому заказу (правда, в данном случае эта составляющая отсутствует), или стараются разместить в нашем сознании психические вирусы, которые заставят нас покупать ненужную нам дрянь. И озабочены медийщики, по существу, только одним — издать как можно более пронзительный визг, чтобы хоть на несколько секунд завладеть человеческим вниманием и успеть загрузить в чужую память проплаченный разной сволочью вредоносный код”¹⁸.*

Как видите, эта тема неоднократно встречалась в творчестве Виктора Пелевина. И если сборник “Ананасная вода для прекрасной дамы” (2011) высмеивал правящие миром умы, столь же уязвимые для химер, как и умы простых людей (“Berning Bush”), то “Искусство лёгких касаний” (2019) напрямую обращается к химерам повседневным, что свили гнёзда в умах рядовых граждан.

Задействует прежние мотивы и третья повесть сборника – “Столыпин”. Как видно из названия, действие переносит нас в столыпинский вагон. Зек по кличке Плешь рассказывает товарищам на камере историю о странном заключённом, который пообещал тому, кто ему поверит, сегодня же увезти в “светлое завтра”, где морской тропический закат, вкусная еда и красивые женщины. Плешь соглашается, и таинственный незнакомец выполняет своё обещание. А когда убаяканные любопытной историей паханы засыпают, Плешь и Басмач выходят из камеры и оказываются на борту той самой яхты. Они – это знакомые нам по предыдущему роману Фёдор Семёнович и Ринат Мусаевич, а “Столыпин” с ничего не подозревающими уголовниками оказывается очередным аттракционом, с помощью которого олигархи пытаются вернуть утраченный вкус к жизни. Ведь понять, как ты живёшь по-настоящему, можно лишь время от времени погружаясь в жизнь социальных “низов”: “...*Нередко сами богачи стремятся узнать, как они живут, изучая размышления на этот счёт людей если не совсем нищих, то достаточно близких к этому состоянию*”¹⁹.

Только в “Столыпине” размышлениями бедняков олигархи уже не довольствуются: чтобы наконец оценить размах собственного счастья, им требуется глубокое погружение в среду, то есть в заполненный зеками “Столыпин”.

В “Искусстве лёгких касаний” сколковский стартап Дамиана Улитина, призванный вернуть лидерам списка Forbs влечение к жизни (“Тайные виды на гору Фудзи”, 2018), наконец, приобретает масштабы всей страны. Россия превращается в аттракцион, куда властители российских недр возвращаются для того, чтобы на фоне местных хрущёвок вновь ощутить своё исключительное положение и возратить утраченный вкус к жизни.

Продолжая линию героев “Тайных видов на гору Фудзи” (2018), автор в очередной раз ставит безответный вопрос: где на самом деле живут те, кто имеет выход на палубу? Тропический солярий для олигархов – это краткий лечебный сеанс или вся их жизнь, для аппетита сдобренная перчиком столыпинских смен?

Мир в “Столыпине” смешивается так, что становится непонятно, где правда, где ложь, где аттракцион, а где реальность. Это излюбленный приём Виктора Пелевина. Нечто подобное уже было в повести “Пространство Фридмана” (2008), где Пелевин рассказывал об открытой великим математиком разновидности трансa, в который погружается всякий, кто достиг порога минимальной восьмизначной суммы. И, соответственно, вход в пространство Фридмана никогда не будет общедоступным. Ведь единственный раз, когда “простой” человек смог наконец-то выйти на палубу, оказался сном, выдумкой, игровой легендой.

Молодой Пелевин верил, что обрести счастье и смысл возможно, остановив поезд жизни посреди леса и аллегорически ушагав за сельский горизонт. Полный юношеских надежд, он рисовал нам трогательные картины Затворника и Шестипалого, которые, укрепив гайками ослабленные крылья, оставили тесный курятник и умчались ввысь. Пелевин также верил, что из удручающего “серого совка” можно умчаться в сверкающий мир трасс и ночных неоновых огней (“День бульдозериста”, 1991). Но зрелый Пелевин понимает, что уныние и бессмыслица одинаковы и в серой хрущёвке, и на пlyingей в тропиках яхте. А на выходе из одного кошмарного бытия обязательно окажется другое: “...*в совок семьдесят девятого года можно было привезти джинсы из Америки, а сегодняшняя Америка – это такой совок, в который джинсы уже никто не привезёт. Из того совка можно было уехать, а из этого некуда*”²⁰. Так и кочует из сборника в сборник это невеселое знание.

Счастье и смысл не ведомы ни богатым, ни бедным. Одним суждено пресыщаться, а другим – вечно оставаться голодными. Пока кто-то мечтает обрести выход на просторную белую палубу, другой мечтает с неё сойти, чтобы вернуть утраченное влечение к жизни. Ведь сколько ни есть способов удовлетворить свои капризы, порог человеческих чувств сведёт на нет всю разницу между чифиром и вином “Шато д’Икем” 1811 года выделки.

И что же делать? Есть ли у России тайный выход на палубу? Есть, говорит Пелевин. Только это не выход на палубу, а позабытая горная тропа к капищу древнего Кроноса, где всё (и Россия в том числе) должно сгореть в освободительном пламени времени.

Всё, что предлагает зрелый Пелевин, так или иначе связано со смертью. По словам писателя, “лучшее, что одно живое существо может сделать другому”, – это вернуть его обратно в первозданную реку. Что всё умрёт, мы уже поняли. Но представьте, Виктор Олегович, мы не спешим возвращаться в первозданную реку и хотим ещё побыть той зыбкой и скоротечной рябью на её поверхности. Собственно, мы для того и читаем литературу, чтобы узнать, как нам подольше и, по возможности, счастливее прожить наш краткий и невозвратимый миг.

На мой взгляд, искусство, которое лишено жизнеутверждающего начала, не имеет смысла. Но любой глубокомысленный разговор, который заводит с читателем Виктор Пелевин, сводится к утверждению права всего и вся на счастливую смерть. Герои, картины и правила игры меняются, а вывод из года в год один и тот же. Скорее всего, свой следующий роман Виктор Пелевин напишет о коронавирусе, ведь как он может упустить повод для очередного *memento mori*?..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арбитман Р. Антипутеводитель по современной литературе. 99 книг, которые не надо читать. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. С. 153.

² Арчер Д., Джокерс М. Код бестселлера. М.: КоЛибри, 2017. С. 227.

³ Горячев П. Писатель Андрей Аствацатуров в Воронеже: [электронный ресурс] “Литература не должна учить”. Риа Воронеж: Новости Воронежа и Воронежской области. 14.07.2016. URL: <https://riavr.ru/news/pisatel-andrey-astvatsaturov-v-voronezhe-literatura-ne-dolzha-uchit/> (дата обращения: 22.04.20)

⁴ Цит. по: Пелевин и Бунин. Околослитературное: [электронный ресурс]. Пишет ne_skazu. 25.10.2015. URL: <https://ne-skazu.livejournal.com/1844607.html> (дата обращения: 15.03.20).

⁵ Пелевин В. Чапаев и пустота. М.: Эксмо, 2007. С. 36–37.

⁶ Быков Д., Басинский П. Два мнения о романе Виктора Пелевина “Чапаев и пустота”: [электронный ресурс]. Сайт творчества Виктора Пелевина. 29.05.1996. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html/> (дата обращения: 22.04.20).

⁷ Пелевин В. Жизнь насекомых. М.: Эксмо, 1993. С. 105.

⁸ Толкин Дж. Р. Р. Возвращение короля. М.: АСТ. 2019. С. 221–222. Пер. Н. Григорьевой, В. Грушецкого.

⁹ Быков Д., Басинский П. Два мнения о романе Виктора Пелевина “Чапаев и пустота”: [электронный ресурс]. Сайт творчества Виктора Пелевина. 29.05.1996. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html/> (дата обращения: 22.04.20).

¹⁰ Там же.

¹¹ Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2011. С. 148.

¹² Пелевин В. Указ. соч. С. 175.

¹³ Пелевин В. Искусство лёгких касаний. М.: Эксмо, 2019. С. 58.

¹⁴ Пелевин В. Указ. соч. С. 322.

¹⁵ Пелевин В. Указ. соч. С. 319.

¹⁶ Пелевин В. Пэ в пятой. М.: Эксмо, 2008. С. 83.

¹⁷ Пелевин В. Указ. соч. С. 201.

¹⁸ Пелевин В. Пространство Фридмана/ Пэ в пятой. М.: Эксмо. 2008. С. 211.

¹⁹ Пелевин В. Искусство лёгких касаний. М.: Эксмо, 2019. С. 335.